

Стихи Эдуарда АСАДОВА многие девчонки и мальчишки на всей территории бывшего СССР переписывали в заветные тетрадки. И сегодня этого поэта помнят и знают люди самых разных возрастов.

- Эдуард Аркадьевич, расскажите, пожалуйста, о своей юности...

- Помните, в одной песне есть такие слова: «Мой адрес не дом и не улица. Мой адрес - Советский Союз». Так это и обо мне тоже. Родился я 7 сентября 1923 года в Туркмени, в городе Мары, известной своей гидроэлектростанцией, вырос на Урале, окончил школу в Москве, немало прошел огненных верст по дорогам Великой Отечественной войны. Мои родители были участниками гражданской войны, в мирное время преподавали в школе математику.

- Когда вы написали свое первое стихотворение?

- В Свердловске, когда мне было лет восемь, я и начал писать стихи. В 15 лет вступил в комсомол. В 1938 году мама вместе со мной переехала в Москву, где я и окончил школу № 38, что находилась напротив Дома ученых, в Пушкинском переулке. Наш выпускной бал проходил 14 июня 1941 года. На школьном балу мы еще не знали, что вскоре нам предстоит уйти в дальний путь, кому на долгие годы, а кому навсегда.

Через неделю началась война. Тогда обстановка в стране была не такая, как сейчас. Сегодня объяви войну, не так уж много пойдут записываться добровольцами. А мы пошли. Но и тогда брали в армию с 18 лет, а мне было 17. Но через райком комсомола могли взять. И я пошел во Фрунзенский райком комсомола с просьбой отправить меня добровольцем на фронт.

Вечером пришел в райком, а утром уже был в поезде. Попал я в секретные войска, оснащенные новым видом оружия - гвардейскими минометами, или, как их называли, катюшами. Я стал наводчиком орудия. Под Москвой, на станции Алабино, формировались первые четыре полка гвардейских минометов. Наш 50-й отдельный гвардейский дивизион направили под Ленинград.

Это были первые катюши, которые приехали на Ленинградский фронт. И первый залп мы дали 19 сентября 1941 года. Так как это было совершенно новое оружие, то его огневая мощь оказалась неожиданной и для врага, и для советских солдат. Несмотря на серьезность обстановки, было забавно наблюдать, как после первого залпа и те, и другие стали разбегаться в разные стороны. Ведь никто из них такого оружия еще не видел.

Потом наши солдаты полюбили катюши, потому что там, где мы давали залп, можно было идти чуть ли не в полный рост. Я считал, что катюши сыграли решающую роль в годы войны. Ибо они пробивали самые страшные укрепления врага. Целый год я воевал наводчиком под Ленинградом. Мы разбегались по разным концам фронта. Везде, где шли тяжелейшие бои, давали залпы. А снаряды у нас были тяжелые, каждый весил 50 килограммов. Но мы все равно их поднимали. Даже по два снаряда таскали сразу, на плечи клали и идешь. Не жалели ни сил, ни здоровья, ни жизни. Лишь бы приблизить победу.

На войне постоянно не хватало офицерских кадров, и меня послали учиться во 2-е гвардейское артиллерийско-пулеметное училище в Омск. Там за 6 месяцев мы проходили двухлетнюю офицерскую подготовку. Я учился хорошо: только по двум предметам из 15 у меня были четверки. Даже грамоту получил. И в звании гвардии лейтенанта меня снова отправили на фронт.

Воевал на 4-м Украинском фронте. Запорожье, Мелитополь, Аскания-Нова, Перекоп. Немцы ни за что не хотели отдавать Перекоп. Но мы его взяли. Потом пошли вперед. Освободили Симферополь, дошли до Севастополя. Начали подготовку к его штурму. Я тогда командовал уже батареей.

Бои были очень жестоки. Местность, на которой стояла моя батарея, была полностью открытой, ни одного дерева. Несмотря на это, мы

еще некоторое время держались. Но вскоре немцы мою батарею разбомбили. Однако снаряды, не те, что по 50 килограммов, а уже по 100 килограммов каждый, остались. А на батарее моего однополчанина Ульянова, находившейся в пяти километрах от нашей, снаряды кончились. Приняли решение собрать снаряды и как можно скорее доставить их на батарею Ульянова, чтобы дать залп по позициям противника и идти в наступление. Иначе погибнет много наших солдат. Ночи в мае короткие, поэтому пока мы погрузили снаряды в машину, рассвело. А там можно было проехать только ночью, днем даже мышь не пробежит, вся дорога простреливалась. Но другого выхода не было. И я принял решение ехать. Тяжело груженная снарядными машинами еде двигалась. Когда мы поднялись в гору, все вокруг залило яркое солнце. По нашей машине немцы открыли шквальный огонь. Ее всю изрешетило. Потом налетели «юнкерсы». В нас не попали, но дорогу всю разбомбили. Я вышел из кабины и пошел впереди машины, показывая шоферу Акулову дорогу среди воронок. Так мы преодолели полдороги. И вдруг прямо передо мной разорвался снаряд, меня отбросило в кювет и я на несколько секунд потерял сознание. Пришел в себя оттого, что меня кто-то перевязывает. Шофер говорит: «Я сейчас отвезу вас в госпиталь». Я отвечаю: «Никакого госпиталя, на огневую, к Ульянову». И мы все-таки сумели прорваться, успешно завершить операцию, добравшись до батареи Ульянова. Когда подехали, он подбежал к машине со словами: «Асадов приехал, молодец, снаряды привез». Открывает дверь, а я ем, на руки свалился, потерял сознание. Когда давали залп, я уже ничего не слышал, меня везли в госпиталь.

Это были последние бои за освобождение Севастополя. Много поэтов и прозаиков, с которыми я тоже общался. А Корней Иванович передал меня с рук на руки Алексею Суркову, который тогда был главным редактором журнала «Огонек». Чувковский сказал: «Я вам передаю молодого поэта Эдуарда Асадова, смотрите, судите, что вы скажете, то и будет». Сурков прочел мою рукопись и сказал: «Оставьте, я поколдую». И поколдовал. Тогда меня критиковали со страшной силой. Несколько месяцев я к нему ходил. А потом он сказал: ну теперь можно поговорить о профессиональной печати. Он меня напечатал первый раз в жизни в «Огоньке» 1 мая 1949 года, в праздник. В тот день на Кропоткинской улице, около Дома ученых, в газетном киоске я купил этот первомайский номер. И стал по-настоящему счастливым. Там были напеча-

Я СЧАСТЛИВ ДОЛЕЮ СВОЕЙ

После ранения я долгие месяцы находился в госпитале. И там так же, как и на фронте, продолжал писать стихи. Однажды, еще в госпитале, я решил послать свои стихи Корнею Ивановичу Чуковскому. Я как раз познакомился с его статьей по поводу переводов с английского Анны Радовой. Он так ядовито и злобно ее раскритиковал, что от этой Анны Радовой остались только прическа и босоножки. Я подумал, раз он такой суровый критик, тогда я пошлю ему стихи, пусть он скажет правду. Я послал ему из госпиталя тоненькую тетрадку. Он ее прочитал. Я даже не думал, что он мне ответит, а он мне прислал ответ: «Дорогой Эдуард Аркадьевич! Я прочел вашу рукопись и могу сразу сказать, что никогда, когда говорю о творчестве, не кривлю душой. А в вашем случае тем более».

Многие поэты и прозаики, с которыми я тоже общался. А Корней Иванович передал меня с рук на руки Алексею Суркову, который тогда был главным редактором журнала «Огонек». Чуковский сказал: «Я вам передаю молодого поэта Эдуарда Асадова, смотрите, судите, что вы скажете, то и будет». Сурков прочел мою рукопись и сказал: «Оставьте, я поколдую». И поколдовал. Тогда меня критиковали со страшной силой. Несколько месяцев я к нему ходил. А потом он сказал: ну теперь можно поговорить о профессиональной печати. Он меня напечатал первый раз в жизни в «Огоньке» 1 мая 1949 года, в праздник. В тот день на Кропоткинской улице, около Дома ученых, в газетном киоске я купил этот первомайский номер. И стал по-настоящему счастливым. Там были напеча-

дорожите». У меня есть и проза: «Я люблю тебя, Наташка», «Зарицы войны». Это автобиографические книги о войне, пройденных фронтовых дорогах, о моих друзьях. Это не выдуманные герои, а настоящие.

- А вы сами занимались переводами с других языков?

- Да, я много переводил с татарского, армянского, грузинского, узбекского, еврейского.

- А как вы относились к женщинам и как они относились к вам?

- О, женщины! Я всегда относился и отношусь к ним прекрасно. Потому что женщины в моей жизни сыграли большую роль. Когда ушел на фронт, у меня не было любимой девушки, еще не успел влюбиться. А когда был ранен, это было страшное потрясение, я 26 суток находился в сознании, но без сознания. И ко мне приходил сестричка и спрашивает: «Что есть будем, лейтенант?». Я отвечаю, что есть мне и жить теперь ни к чему, кому я нужен... А она молодая была, говорит: «Как кому? Мне нужен! Запомни, меня зовут Оксана Иваненко. Когда тебя подлечат, неважно, будет у тебя зрение или нет, приезжай в город Саки и найди меня. И я выйду за тебя замуж». Я думаю, она это говорила, чтобы подбодрить меня. Но мне эти слова были как бальзам на душу. Это же большое счастье знать, что ты еще кому-то нужен!

Потом я лежал в Москве в госпитале, ко мне приходили бывшие мои соученицы, девушки, которых я знал. И дальше произошло чудо - в течение года шесть девушек предложили мне руку и сердце.

- То есть вы не могли предложить, а они предложили?

- Да, я не хотел этого делать, а они мне предложили.

Это было для меня огромным духовным зарядом. Потому что я в себя поверил: если тебя любят, ты можешь свою судьбу повернуть совершенно иначе. Затем я учился в Литинституте, жил более уверенно, знал, что меня любят, значит, у меня есть крылья. И это было очень важно. Вскоре я женился. Родился сын, но семейная жизнь как-то не сложилась. И мы расстались.

Через некоторое время совершенно случайно я познакомился со своей второй женой. Дело было так. Пятнадцать молодых поэтов пригласили выступить во Дворце культуры МГУ, на Стрельникове. И вот когда мы там собрались, входит молодая женщина и говорит: «Я - артистка Москонцерта Галина Разумовская, буду тоже здесь выступать. Вы могли бы меня пораньше пропустить, потому что я сейчас улетаю в Ташкент?». Я спрашиваю: «А как у вас программа?». Она отвечает: «Женщины в борьбе за мир». Я тогда снова задаю вопрос: «А почему только женщины, мужчины-то куда подевались?». В общем, пошутили, посмеялись. А когда начался вечер, я выступил со своими новыми стихами «Трусиха», «Они студентами были». Она стояла за кулисами и слушала, потом подходит ко мне и говорит: «Я сейчас улетаю в Ташкент, вы не могли бы ваши стихи прислать мне на Главпочтамт до востребования?». Я отвечаю, что с удовольствием.

Никогда не кривить душой, никогда не пресмыкаться и не лгать. Я никогда не боялся говорить только правду. И сейчас не боюсь.

- Как вам сейчас живется материально?

- Нормально, я же печатаюсь, книги выходят. Мне особо ничего не нужно. Я сам себя содержал всю жизнь, жил на свои собственные, заработанные деньги. И сейчас так же продолжаю. Я дышу, пока пишу. То есть работа - это моя сила, мои крылья, моя дорога, это все мое. Стоит мне бросить работу, я, наверное, сразу потеряю интерес ко многим вещам. А сейчас я, как и раньше, живу прежде всего творчеством.

- Вы пишете каждый день?

- Почти. Если меня не вышибает какое-то событие.

- Я вижу, что вы сами печатаете на обычной пишущей машинке?

- Да, на обычной машинке. И уже с 1947 года. Печатаю совершенно спокойно, как машинистку. Правда, мне надо, чтобы кто-то потом прочитал, я ведь могу опечатку сделать. Я и письма пишу. За эти годы я сменил уже несколько машинок.

- А как вы получаете информацию, что вам читают?

- Я много слушаю радио. Сейчас Галина Федоровна читает. Мы с ней уже почти шесть лет. Она хороший, сердечный, добрый человек. До нее читали другие. Моя покойная супруга Галина Валентиновна очень много мне читала. Так что я всегда нахожусь в курсе дела. Иначе как бы я мог работать? Я должен чувствовать пульс моей страны, моего народа. Это не громкие слова, это так и есть. Так что я всегда живу с людьми.

- Вы верите в прогнозы?

- В прогнозы? Я считаю, что это совпадения. В предчувствия верю. Ночью накануне ранения у меня было очень тяжелое состояние, ощущение чего-то давящего. Я знал, что снаряды надо доставить на батарею Ульянова, потому что никто за меня этого не сделает, и я поехал. Бывали случаи, когда я чувствовал: что-то не так или не то. Предчувствия какие-то были. Но я не очень суеверный человек.

- Можете ли вы прогнозировать развитие российской литературы, поэзии?

- Я могу сказать только одно: как бы ее ни качало, как бы ее ни кидало по ухабам и ямам, все равно наша литература - великая литература. И это не громкие слова, она все равно снова поднимет паруса и будет одной из лучших в мире. А может, даже лучшей. Это жизнь не раз подтверждала. Вот перевернули всю нашу политику, экономику,

больше десяти лет наш книжный рынок заполнялся всякой порнухой, непристойностью. А потом наелись и сплюнули. И как-то от этого отошли, стали искать настоящую литературу, настоящие книги. И у меня лет 6 - 7 ничего не печатали. Кстати, я ни по каким издательствам никогда не хожу. Ко мне сами обратились издатели и стали снова публиковать мои стихи. И я вновь вошел в литературный строй, продолжая говорить и писать то, во что верю сам.

- И все же, во что вы конкретно верите?

- Когда в нашей стране были не самые простые тридцатые годы с арестами, лагерями, расстрелами, я понимал, что происходит что-то не то, что так нельзя. Тогда мы жили в Свердловске, я выбежал на улицу, а там у одного мальчишки папу забили, у другого маму увезли. Мы этих хороших, честных людей знали, уважали. И ничего понять не могли. Я и до сих пор не понимаю. Да, определенная строгость должна быть. Но должен соблюдаться закон. Нельзя за людьми приезжать ночью. Это ужасно.

Для того чтобы выяснить, во что я верю, достаточно почитать мои книги. Я в них говорю то, что думаю. Никогда не было так, чтобы я думал одно, а писал другое. О чем пишу, в то и верю. И политические стихи у меня есть. Но я их назисту не помню. Я помню только те стихи, с которыми выступал на сцене. Сейчас у меня много стихов лирических. Но я их не успеваю запоминать, потому что кончаю одно, начинаю другое.

- Прочитайте, пожалуйста, ваши последние стихи.

- Может, не стоит? Ну да ладно...

Что счастье дано тебе не на век,
Не надо сетовать, человек.
Когда бы нам счастье
на век давалось,
Оно бы буднями называлось.
Я захворал, но хворь преодолел.
И все довольны,
надо бы признать.
Враги довольны тем,
что заболел,
Друзья же тем,
что начал поправляться.
Ну что ж, я счастлив долею своей.
Люблю на свете
радовать людей.

А еще у меня есть внучка Кристина, самый любимый мой человек. Ей 25 лет. Она окончила филфак МГУ и теперь преподаёт в Институте международных отношений. Стихи она не пишет, но я ее все равно люблю. Она уже замужем.

- Так что, возможно, вы скоро станете прадедом?

- Не знаю, они не очень-то торопятся.

Чествование 80-летнего юбилея поэта Асадова состоялось в Краснознаменном зале Культурного центра Вооруженных сил России. Эдуард Аркадьевич не преминул заметить, что когда он еще учился в школе, то впервые прочитал свои стихи в публичке именно здесь, в бывшем ЦДСА. Те стихи он конечно же сейчас не помнит, но помнит, что читал заодно и его встречали хорошо.

Но не столько, наверное, за стихи, сколько за смелость. Потом он неоднократно выступал в этом зале. И вот теперь юбилейный вечер. В адрес юбиляра пришли поздравления от президента России Владимира Путина, мэра Москвы Юрия Лужкова, общественных организаций, университетов. Поздравить поэта пришли его коллеги, композиторы, дипломаты, генералы, фронтовики, работники просвещения и искусства, школьники.

От имени президиума Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка профессору Эдуарду Аркадьевичу Асадову за выдающиеся заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление государства Российской Федерации был вручен орден Петра Великого I степени.

Принимая поздравления, поэт сказал: «Спасибо всем. Но дело не в наградах, а в том, что я продолжаю вершить самое главное дело моей жизни - старюсь воспитывать в людях их лучшие качества: любовь к родине, к женщине. И это не громкие фразы, а смысл жизни».

Беседу вел Лев РУДСКИЙ

Фото автора